„БИБЛІОТЕКА СВОБОДНАГО ГРАЖДАНИНА".
подъ ред. С. В. Вознесенскаго.
№ 1. ОТДѢЛЪ ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦІОННЫЙ. № 1.

Проф. М. А. ПОЛІЕВКТОВЪ.

# Родоначальники русской революціи-декабристы.

Цѣна 40 коп.

ПЕТРОГРАДЪ,
Изданіе Н. Н. КАРБАСНИКОВА.
1917.

## „БИБЛІОТЕКА СВОБОДНАГО ГРАЖДАНИНА“,

подъ ред. С. В. Вознесенскаго.

Изд. Н. Н. КАРБАСНИКОВА.

### Политическій отдѣлъ:

1) **Тхоржевскій, С. И.** Всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право. Ц. 30 к.
2) **Лаврентьевъ, Д. К.** Что такое монархія и что такое республика и какія права должны быть у гражданъ. Ц. 25 к.
3) **Гессенъ, С. І.,** пр.-доц. Политическая свобода и соціализмъ. Ц. 45 к.
4) **Динзе, В. Ѳ.** Что такое федерализмъ.
5) **Вульфіусъ, А. Г.** проф. Свобода совѣсти.
6) **Яновскій, А. Ѳ.** Глава республики — президентъ.
7) **Осинскій, М.** О гражданскихъ свободахъ.
8) **Тхоржевскій, С. И.** Государственный строй Англіи.
9) **Гессенъ, С. І.,** пр.-доц. Свобода и дисциплина.
10) **Ярошевскій, А. Г.,** пр.-доц. Государственный строй Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки.
11) **Динзе, В. Ѳ.** Что такое автономія.
12) **Гизетти, А. А.** Соціализмъ и индивидуализмъ.
13) **Ѳедотовъ, Г. П.,** пр.-доц. Тайна государства.
14) **Ѳедотовъ, Г. П.,** пр.-доц. Классовая борьба.
15) **Дмитріевичъ, Д. И.,** секретарь сербской миссіи. Право нашихъ на самоопредѣленіе.
16) **Осинскій, М. А.** Церковъ и государство.
17) **Клейнбортъ, Л. Н.** О партіяхъ и партійности.
18) **Гессенъ, С. І.,** пр.-доц. Демократія и демагогія.

### Экономическій отдѣлъ:

1) **Вознесенскій, С. В.** Профессіональные союзы рабочихъ. Ц. 40 к.
2) **Гудванъ, М. А.** Нормировка труда торговопромышленныхъ служащихъ.
3) **Буковецкій, А. І.** Городскіе финансы, муниципализація земли и торговопромышленныхъ предпріятій въ городахъ.
4) **Марголинъ, С. О.** Примирительныя камеры.
5) **Клейнбортъ, Л Н.** Отчего въ Россіи не стало хлѣба? Ц. 40 к.
6) **Вознесенскій, С. В.** Очеркъ исторіи рабочаго законодательства въ Россіи.
7) **Клейнбортъ, Л. Н.** Подоходный налогъ.
8) **Марголинъ, С. О.** Биржи труда.
9) **Бонди, Б. А.** Аграрный вопросъ.

### Историческій отдѣлъ:

1) **Поліевктовъ, М. А.,** проф. Первые борцы за свободу народа— декабристы. Ц. 40 к.
2) **Пажитновъ, К. А.** Фурьеризмъ въ Россіи въ концѣ 1840-хъ год. („Петрашевцы“).
3) **Пажитновъ, К. А.** Первые соціалисты въ Россіи (русскій сенъ-симонизмъ 30-хъ гг.).
4) **Поліевктовъ, М. А.** проф. Народническое движеніе въ Россіи.
5) **Гизетти, А. А.** Основы „народническаго“ соціализма.
6) **Іорданскій, Н. И.** Земскій либерализмъ въ Россіи.
7) **Ярошевскій, А. Г.,** пр.-доц. Французская революція 1848 г.
8) **Ярошевскій, А. Г.,** пр.-доц. Парижская коммуна 1871 г.

## I.

Первая попытка свергнуть самодержавіе была произведена въ Россіи около ста лѣтъ тому назадъ, при вступленіи на престолъ Николая I, въ декабрѣ 1825 года—„декабристами", какъ стали называть потомъ участниковъ этой попытки.

Россія, да и вся Европа, переживала въ то время тяжелые, мрачные годы. За нѣсколько лѣтъ до этого, послѣ Отечественной войны 1812 года, европейскіе державы, Австрія, Англія, Пруссія и Россія, соединившись въ одинъ союзъ, одержали верхъ надъ Наполеономъ и заставили его отказаться отъ трона. Многіе надѣялись, что послѣ низложенія Наполеона въ Европѣ наступитъ, дѣйствительно, время свободы, но эти надежды не сбылись. Стало даже еще хуже, чѣмъ было во время господства Наполеона. Наполеонъ, въ завоеванныхъ имъ областяхъ, какъ ни какъ, вводилъ различныя улучшенія и преобразованія по образцу Франціи; а во Франціи, вѣдь, и при Наполеонѣ сохранилось еще многое изъ того, что сдѣлала Великая Французская Революція, и всѣ граждане были равны передъ закономъ. Теперь, низложивъ Наполеона, европейскіе правители задумали возстановить тотъ порядокъ, какой существовалъ до революціи. Во Франціи была возстановлена прежняя королевская династія Бурбоновъ. Европейскіе дипломаты собрались на собраніе въ Вѣнѣ, и на этомъ вѣнскомъ конгрессѣ и измѣнили границы почти всѣхъ государствъ. При этомъ, однако, нисколько не заботились о томъ, чтобы каждая національность была самостоятельна, и чтобы народъ благоденствовалъ. Многіе мелкіе властители, тиранически управлявшіе своими подданными и въ свое время лишенные власти Наполеономъ, теперь

были возстановлены въ своихъ правахъ. Дворянамъ были возвращены ихъ преимущества. Тамъ, гдѣ существовало народное представительство, оно уничтожалось Вводилась самая строгая цензура. Ни о чемъ нельзя было писать. Словомъ, наступило время самой тяжелой „реакціи", движенія назадъ.

Особенно плохо обстояло дѣло въ Россіи. Русскій государь Александръ I, какъ главный побѣдитель Наполеона, имѣлъ въ это время въ Европѣ очень большое значеніе. Сперва, начавъ войну съ Наполеономъ, онъ говорилъ, что ведетъ ее съ „тираномъ" за „свободу народовъ". Даже на вѣнскомъ конгрессѣ онъ не одобрялъ еще мѣръ, направленныхъ противъ свободы. Но уже тогда по его почину европейскіе государи заключили между собою „Священный Союзъ", по которому обязались оказывать другъ другу поддержку, если бы въ чьихъ-либо владѣніяхъ началось революціонное движеніе. Мало-по-малу Александръ I окончательно сталъ на сторону „реакціонеровъ".

Это отразилось и на его внутреннемъ управленіи. Въ началѣ своего царствованія онъ хотѣлъ дать своему народу конституцію и началъ многія полезныя преобразованія. Его сотрудникомъ въ то время былъ талантливый Сперанскій. Теперь всѣ благія начинанія были забыты. Государь окружилъ себя людьми, которые всячески старались держать народъ въ невѣжествѣ и не заботились о его благосостояніи. Недобрую память о себѣ оставили совѣтники Александра въ послѣдніе годы его царствованія, министръ народнаго просвѣщенія князь Голицынъ, ханжа и изувѣръ архимандритъ новгородскаго юрьевскаго монастыря Фотій и, въ особенности, извѣстный Аракчеевъ! А въ Россіи въ то время о многомъ еще надо было подумать. Вѣдь въ Россіи продолжало еще сохраняться въ то время крѣпостное право, уничтоженное уже почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Торговля послѣ долгихъ войнъ пришла въ упадокъ. Государственная казна была безъ средствъ. Флотъ былъ въ полномъ разстройствѣ, и если бы кто-нибудь изъ сосѣдей задумалъ напасть на Россію съ моря, то страна оказалась бы

совершенно беззащитной. Войско послѣ долгихъ и трудныхъ походовъ могло разсчитывать на заслуженный отдыхъ; вмѣсто этого его мучили муштровкою и парадами, для военнаго дѣла не только не нужными, но даже вредными. Въ довершеніе всего Александръ сталъ устраивать „военныя поселенія". Во многихъ губерніяхъ войска размѣщались по деревнямъ казенныхъ крестьянъ, которые и обязаны были ихъ содержать, а сами крестьяне этихъ деревень также поголовно зачислялись на военную службу. Въ военныхъ поселеніяхъ были заведены суровые порядки, и крестьяне и солдаты за малѣйшее упущеніе подвергались жестокимъ наказаніямъ. Ревностнымъ помощникомъ Александра въ устройствѣ военныхъ поселеній былъ Аракчеевъ, но мысль о ихъ устройствѣ исходила отъ самого государя. Вообще, послѣ войнъ съ Наполеономъ Александръ продолжалъ держать большую дорого стоющую армію, но она была ему нужна не для защиты интересовъ своей страны, а для подавленія революцій въ чужихъ странахъ. Царь забылъ свой народъ. Большую часть времени онъ проводилъ за-границей, а когда возвращался въ Россію, то разъѣзжалъ по монастырямъ, посѣщалъ различныхъ старцевъ или устраивалъ парады войскамъ. Государственныя дѣла были въ полномъ забвеніи. Въ судахъ царила неправда; въ управленіи былъ полный произволъ.

Все это сперва очень огорчало русское общество, а скоро начало и возмущать. Особенно сильно было недовольство среди офицеровъ. Среди нихъ въ то время было много развитыхъ и образованныхъ людей. Къ тому же, во время заграничныхъ походовъ они имѣли случай приглядѣться къ чужеземнымъ порядкамъ, которые выгодно отличались отъ русскихъ. Многіе изъ офицеровъ стали интересоваться политикою, пріохотились къ чтенію серьезныхъ книгъ и усвоивали мысли о свободѣ и равенствѣ. По возвращеніи на родину ихъ встрѣтила безотрадная картина народнаго безправія и полицейскаго произвола. Они невольно сравнивали то, что они видѣли въ чужихъ краяхъ, съ тѣмъ, что нашли дома. Многіе изъ нихъ стали зада-

ваться мыслями о полезныхъ для народа преобразованіяхъ. Сперва они попытались улучшить положеніе своихъ подчиненныхъ. Въ нѣкоторыхъ войсковыхъ частяхъ по соглашенію всѣхъ офицеровъ перестали примѣнять тѣлесныя наказанія; офицеры стали устраивать школы для солдатъ, всячески старались просвѣщать ихъ, а въ отдѣльныхъ случаяхъ заговаривали съ болѣе развитыми и о политикѣ. Но все это было не прочно. Назначался новый командиръ полка, человѣкъ грубый и необразованный, и все шло на смарку, снова начиналась муштровка и порка. Сами братья царя, великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи показывали примѣръ безсердечнаго обращенія съ солдатами. Лучшіе изъ офицеровъ стали приходить къ мысли о необходимости коренного государственнаго переустройства. Имъ вспомнилось, какъ въ юности они слышали разговоры старшихъ о томъ, что самъ царь хочетъ дать конституцію и освободить крестьянъ. Они находили, что давно пора осуществить эти мѣры. Среди окружающихъ они не могли разсчитывать на большое сочувствіе, развѣ среди молодежи. Постепенно стала возникать мысль объ образованіи *тайнаго общества* для распространенія новыхъ взглядовъ и осуществленія задуманныхъ плановъ.

Первое такое общество было устроено осенью 1816 года въ Петербургѣ гвардейскими офицерами Александромъ Николаевичемъ и Никитою Михайловичемъ Муравьевыми (троюродные братья), къ которымъ вскорѣ примкнули ихъ близкіе товарищи, Якушкинъ и братья Муравьевы-Апостолы, а затѣмъ и многіе другіе. Общество на первыхъ порахъ не имѣло правильнаго устройства; но участниковъ объединяла лишь мысль „о введеніи въ Россіи представительнаго правленія“. Такъ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ, пока въ общество не вступилъ полковникъ Павелъ Ивановичъ Пестель, который съ этого времени и началъ играть главную роль во всемъ послѣдующемъ революціонномъ движеніи. Пестель получилъ прекрасное образованіе и былъ отважный боевой офицеръ. Опасно раненный въ бородинскомъ бою, онъ продѣлалъ затѣмъ

всѣ походы и нѣсколько разъ былъ награжденъ за храбрость. Въ описываемое время онъ занималъ видную должность адъютанта при командующемъ второю арміею. Пестель былъ человѣкъ большого ума и непреклонной воли. По своимъ взглядамъ онъ былъ рѣшительный республиканецъ и шелъ твердыми шагами къ разъ намѣченной цѣли. Вступивъ въ тайное общество, онъ постарался ему придать прежде всего правильное устройство. Въ началѣ 1817 года былъ выработанъ уставъ общества, которое получило названіе „Истинныхъ и Вѣрныхъ сыновъ отечества“ или „Союзъ Спасенія“. Задачею общества была поставлена рѣшительная борьба съ самодержавіемъ, хотя бы путемъ силы, а все устройство общества облекалось самою строгою тайною и было устроено на началахъ слѣпого подчиненія рядовыхъ членовъ руководителямъ.

Во главѣ общества должны были стоять руководители, которые назывались „боярами“ и которые могли быть даже неизвѣстны другимъ членамъ общества; за ними слѣдовали „мужья“. Только „боярамъ“ и „мужьямъ“ могъ быть извѣстенъ уставъ общества. Низшими степенями были „братья“, которые должны были слѣпо повиноваться тайному правительству общества, и „друзья“, которые заносились въ списки, какъ полезные люди на всякій случай, но которые могли даже не знать объ этомъ.

Многіе изъ сочувствовавшихъ цѣлямъ общества не одобряли такой образъ дѣйствія. Пестель вскорѣ послѣ этого уѣхалъ изъ Петербурга, и тогда безъ него былъ составленъ новый уставъ общества. Оно было переименовано въ „Союзъ Благоденствія“ и ставило себѣ теперь задачею не столько политическій переворотъ, сколько подготовку къ постепенному преобразованію. Каждый членъ общества долженъ былъ избрать опредѣленную дѣятельность. Кто избиралъ *благотворительность*, тотъ обязанъ былъ прежде всего позаботиться объ улучшеніи положенія своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Кто избиралъ *просвѣщеніе*, тотъ долженъ былъ заботиться объ умноженіи школъ и распространеніи въ народѣ грамоты. Кто

избиралъ правосудіе, тотъ долженъ былъ итти служить въ судебныя мѣста и всячески искоренять взяточничество. Кто избиралъ хозяйственную дѣятельность, тотъ долженъ былъ распространять здравыя мысли о справедливомъ взиманіи податей. Главныя преобразованія, которыя члены „Союза Благоденствія“ считали прежде всего необходимыми, были слѣдующія: освобожденіе крестьянъ, уравненіе гражданъ передъ закономъ, гласный судъ, уничтоженіе существовавшей въ то время винной монополіи, уничтоженіе военныхъ поселеній, улучшеніе положенія крестьянъ, сокращеніе срока ихъ военной службы и уменьшеніе арміи въ мирное время. Главною задачею „Союза Благоденствія“ оставалось по-прежнему введеніе представительнаго образа правленія. Но участники склонялись теперь больше къ ограниченной монархіи, чѣмъ къ республикѣ.

И „Союзъ Спасенія“ и „Союзъ Благоденствія“ были устроены по образцу иностранныхъ тайныхъ обществъ. Для „Союза Спасенія“ Пестель взялъ за образецъ уставъ итальянскаго тайнаго революціоннаго общества карбонаріевъ. Уставъ „Союза Благоденствія“ былъ списанъ съ устава нѣмецкаго общества мирной пропаганды Тугендбундъ (по-русски: Союзъ Добродѣтели).

Къ „Союзу Благоденствія“ примкнули очень многіе, и первое время онъ оказалъ большую пользу, распространяя въ обществѣ правильные взгляды. Скоро, однако, начались разногласія. Одни просто охладѣли. Другіе находили, что нельзя ограничиваться одною мирною проповѣдью и надо перейти къ дѣлу. Реакціонный характеръ политики Александра I къ тому времени, дѣйствительно, вполнѣ опредѣлился. Не оставалось никакой надежды на то, что правительство услышитъ голосъ общества и приступитъ къ реформамъ. Къ тому же, до правительства стали уже доходить слухи о существованіи тайнаго общества, и на его участниковъ начинали смотрѣть косо. Въ январѣ 1821 года въ Москвѣ состоялся съѣздъ „Союза Благоденствія“, и союзъ былъ объявленъ закрытымъ.

Это рѣшеніе было принято далеко не всѣми членами общества. Пестель не былъ на московскомъ съѣздѣ. Онъ находился въ то время на югѣ, въ мѣстечкѣ Тульчинѣ, гдѣ была расположена главная квартира 2-й арміи. Стоя во главѣ тульчинскаго отдѣла общества, Пестель привлекъ къ нему бригаднаго генерала князя Сергѣя Волконскаго и генералъ-интенданта Юшневскаго. Здѣсь же около него были и братья Муравьевы-Апостолы. Тульчинскій отдѣлъ не принялъ постановленія московскаго съѣзда о закрытіи „Союза Благоденствія". Взамѣнъ союза было образовано самостоятельное тайное общество, получившее названіе „Южнаго". Въ „Южномъ Обществѣ" былъ возстановленъ первоначальный уставъ „Союза Спасенія". Главною задачею общества было установленіе демократической республики путемъ переворота. Рѣшено было убить императора Александра, а Пестель считалъ даже необходимымъ истребленіе всего царствовавшаго дома. „Южное Общество" начало готовиться къ возстанію въ войскахъ. Оно раздѣлилось на три „управы"—въ Тульчинѣ, Васильковкѣ и Каменкѣ, отъ которыхъ зависѣли мѣстныя группы заговорщиковъ. Къ „Южному Обществу" вскорѣ примкнуло еще одно—возникшее независимо отъ „Союза Спасенія"—„Общество соединенныхъ славянъ". Это общество стремилось къ устройству „федераціи" (то-есть: свободнаго союза) всѣхъ славянскихъ племенъ. Члены этого общества точно также стояли за республику, но были настроены еще болѣе рѣшительно и отличались крайними демократическими взглядами. Соединеніе съ „Обществомъ соединенныхъ славянъ" ввело въ составъ „Южнаго Общества" много рѣшительныхъ людей. Тѣмъ не менѣе, силъ у Общества было мало. Солдаты, за немногими исключеніями, совершенно не были подготовлены. Самъ Пестель началъ сомнѣваться въ успѣхѣ. Чтобы не оставлять начатаго, рѣшено было, однако, поднять въ началѣ 1826 года возстаніе.

Въ Петербургѣ послѣ московскаго съѣзда также было основано самостоятельное тайное общество. Его называли обыкновенно „Сѣвернымъ Обществомъ". Во

главѣ его стоялъ вначалѣ Никита Муравьевъ, а также примкнувшіе къ нему князь Евгеній Оболенскій и князь Трубецкой (послѣдній, впрочемъ не имѣлъ большого значенія). „Сѣверное Общество“ не имѣло правильнаго устройства, отличалось болѣе умѣренными взглядами и менѣе рѣшительнымъ образомъ дѣйствія. Всѣ попытки Пестеля склонить „сѣверянъ“ къ рѣшительнымъ мѣрамъ встрѣчали противодѣйствіе со стороны Муравьева. Во многомъ Муравьевъ былъ не согласенъ съ Пестелемъ. Дѣятельность „Сѣвернаго Общества“ нѣсколько оживилась, когда въ него вступили Кондратій Рылѣевъ, братья Бестужевы и морякъ Торсонъ. Связанные тѣсными узами дружбы, всѣ три брата Бестужевы выдѣлялись своими способностями и образованностью. Старшій, Николай, былъ выдающійся механикъ и художникъ и обладалъ большими педагогическими талантами. Второй, Александръ, былъ извѣстный писатель, писавшій подъ именемъ Марлинскаго. Вмѣстѣ съ Рылѣевымъ онъ издавалъ „Полярную Звѣзду“, одинъ изъ лучшихъ журналовъ того времени, въ которомъ писали Пушкинъ, Жуковскій и Крыловъ. Младшій, Михаилъ, былъ любимцемъ солдатъ. Торсонъ былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся морскихъ офицеровъ того времени. Онъ предполагалъ рядъ крупныхъ улучшеній во флотѣ, но былъ затертъ бездарностями и оставилъ службу. Рылѣевъ былъ извѣстный поэтъ пользовавшійся большою любовью общества и прославившійся своими смѣлыми горячими стихотвореніями. И Бестужевы, и Торсонъ, и Рылѣевъ всѣ они были проникнуты рѣшительными взглядами. Вступивъ въ тайное общество, они внесли въ него много воодушевленія. Имъ не хватало умѣнія прочно наладить дѣло, широко его поставить. „Южане“, Пестель и его единомышленники, спѣшили сдѣлать, что могли. „Сѣверяне“ больше вырабатывали плапы.

## II.

Всѣхъ участниковъ тайныхъ обществъ объединяло стремленіе ниспровергнуть ненавистное самодержавіе и горячее желаніе блага всему народу. Но какъ этого

достигнуть, и какой порядокъ будетъ лучше, объ этомъ многіе изъ нихъ думали различно. Участники тайныхъ обществъ не составляли, какъ теперь говорятъ, одну политическую партію; тайныя общества не были собраніемъ людей, согласныхъ между собою во всѣхъ своихъ политическихъ взглядахъ и подчиняющихся въ своей общественной дѣятельности общимъ обязательнымъ для всѣхъ членовъ партіи постановленіямъ. Не было у нихъ, поэтому, и партійной политической программы, то есть изложенія того, чего добивается партія, и какимъ путемъ она думаетъ всего этого достигнуть. Правильнѣе сказать—тайныя общества не успѣли обо всемъ этомъ окончательно договориться, хотя и старались это сдѣлать. На общихъ собраніяхъ Союза Благоденствія, а позднѣе на собраніяхъ Южнаго и Сѣвернаго Обществъ не только обсуждали, но и ставился на голоса вопросъ, что лучше для Россіи—республика или ограниченная (конституціонная) монархія, и другіе. Предсѣдатель и устроитель Сѣвернаго Общества Никита Муравьевъ составилъ планъ новаго государственнаго устройства („конституціи") Россіи. Онъ обсуждалъ этотъ планъ вмѣстѣ съ другими участниками Общества, многіе ему возражали и на основаніи этихъ возраженій въ планѣ Муравьева многое было перемѣнено и исправлено. За годъ до возстанія Муравьевъ закончилъ обработку своего „проэкта конституціи"; онъ намѣревался ее повсюду распространять и принимать въ члены Общества всѣхъ, кто будетъ съ этимъ проэктомъ согласенъ. Глава Южнаго Общества, Пестель, задумалъ и отчасти успѣлъ написать большое сочиненіе, въ которомъ подробно излагалось будущее государственное и общественное устройство Россіи. Это сочиненіе называлось „Русская Правда", или „заповѣдная государственная грамота великаго народа россійскаго, служащая завѣтомъ для усовершенствованія государственнаго устройства Россіи и содержащая вѣрный наказъ, какъ для народа, такъ и для временнаго верховнаго правительства". „Русская Правда" осталась недописанной, но главные свои взгляды, которые онъ въ ней излагалъ, Пестель еще

раньше предложилъ на обсужденіе членамъ Южнаго Общества, и послѣ нѣкоторыхъ возраженій, эти взгляды были приняты. Пестель послѣ этого старался всячески распространять свои взгляды — а онъ очень хорошо умѣлъ убѣждать другихъ — и согласныхъ съ нимъ привлекалъ въ Общество. Пестель хотѣлъ, чтобы послѣ того, какъ совершится переворотъ, его „Русская Правда“ была обнародована сенатомъ, какъ законъ.

Многіе другіе участники тайныхъ обществъ также составляли планы государственныхъ и общественныхъ преобразованій, но ихъ сочиненія не имѣютъ такого большого значенія, какъ „Русская Правда“ Пестеля и „Проэктъ конституціи“ Никиты Муравьева. Эти же два очень важны: они выражаютъ взгляды двухъ направленій, существовавшихъ среди участниковъ тайныхъ обществъ. Одно направленіе было болѣе умѣренное и склонялось скорѣе лишь къ ограниченію царской власти („конституціонной монархіи“) а не къ ея полной отмѣнѣ и передачѣ всей власти народнымъ выборнымъ („республикѣ“) — эти взгляды и выражалъ Муравьевъ. Другое направленіе рѣшительно было проникнуто республиканскимъ духомъ. Такіе взгляды выражалъ Пестель. На обоихъ этихъ сочиненіяхъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе. Начнемъ съ Пестеля.

Пестель былъ горячимъ сторонникомъ демократическаго государственнаго устройства, то есть такого, при которомъ всѣ граждане равны между собою въ своихъ правахъ. Но онъ понималъ, что одного равенства въ правахъ мало: по закону всѣ граждане будутъ равны между собою, а богатый по-прежнему будетъ тѣснить бѣднаго. Для того, чтобы упрочилось дѣйствительное равенство, Пестель находилъ нужнымъ озаботиться судьбою неимущаго населенія. Онъ, какъ сказали бы теперь, обращалъ большое вниманіе на соціальный вопросъ, то есть на вопросъ о несправедливомъ неравномѣрномъ распредѣленіи богатства. По своимъ взглядамъ въ этомъ вопросѣ Пестель былъ близокъ къ соціалистамъ, то есть къ тѣмъ, которые

стараются, чтобы не было несправедливой разницы между богатыми и бѣдными. Пестель былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что его взгляды на государственное и общественное устройство правильны. Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ думали такъ, какъ онъ самъ, и готовъ былъ принудить и другихъ признавать его взгляды правильными. Пестель хотѣлъ, чтобы всѣ были равны, но онъ не считалъ возможнымъ предоставить всѣмъ думать и поступать такъ, какъ каждый считаетъ лучше: онъ былъ за равенство, но не за свободу и считалъ нужнымъ, чтобы и при новомъ демократическомъ устройствѣ въ государствѣ была единая сильная власть. Лѣтъ за сорокъ до Пестеля, во Франціи, когда тамъ было свергнуто самодержавіе и установлена республика, также существовала партія, которая хотѣла добиться демократическаго устройства средствами принужденія и крайней строгости. Эта партія называлась якобинцы. Вотъ такимъ якобинцемъ въ своихъ взглядахъ былъ и Пестель.

Первое время Пестель колебался, что лучше — совершенно уничтожить царскую власть или только ограничить власть царя, то есть устроить такъ, чтобы онъ не могъ пользоваться ею во зло противъ народа. Понемногу, однако, онъ пришелъ къ убѣжденію, что народная воля и царская власть никогда вмѣстѣ не уживутся, и окончательно сталъ за республику. Для этого надо было произвести переворотъ и прежде всего, смѣстить царя, императора Александра I. Но Пестель опасался, что Александръ послѣ низложенія будетъ пытаться снова вернуть себѣ власть, а если не онъ самъ, то кто-нибудь изъ его родственниковъ постарается воцариться. Поэтому онъ шелъ на самыя крайнія мѣры и предлагалъ не только убить императора Александра, но и истребить все царское семейство. Пестель хотѣлъ какъ бы искоренить все, что могло напоминать о царской власти. Императора Александра въ это время очень многіе уже не любили, и мысль Пестеля о цареубійствѣ раздѣлялась многими его единомышленниками. Но мысль объ избіеніи всего царскаго семейства многихъ ужасала и была отвергнута.

Предпочитая самъ республику, Пестель находилъ, что русскій народъ, въ его время, не былъ еще достаточно подготовленъ къ республиканскому образу правленія: народъ былъ крайне необразованъ — и теперь то у насъ на сто человѣкъ семьдесятъ неграмотныхъ, а тогда и еще больше было — и могъ попасть подъ вліяніе злонамѣренныхъ людей. Это не останавливало, однако, Пестеля въ его мысли о немедленномъ произведеніи переворота. Онъ только находилъ, что послѣ переворота, послѣ того какъ будетъ отмѣнена царская власть, надо будетъ повременить съ учрежденіемъ республики. Переворотъ, по мнѣнію Пестеля, должны были произвести военные, и послѣ переворота изъ нихъ на долгій срокъ, лѣтъ на десять, должно было быть составлено временное правительство, которому на указанный срокъ предоставлялась неограниченная власть. Когда весь народъ или тѣ, кто произвелъ переворотъ, сами по своей волѣ и своему рѣшенію предоставляютъ правительству неограниченную власть, то это называется диктатурою. Вотъ такую то военную диктатуру Пестель и хотѣлъ учредить на первое время. Неограниченное въ своей власти временное правительство должно было мѣрами безпощадной строгости подавлять всѣ контръ-революціонныя попытки, то есть попытки возстановить старый строй, существовавшій до переворота, до революціи, а также всѣ самовольныя волненія и мятежи. Въ то же время правительство должно было всяческими мѣрами подготовлять населеніе къ учрежденію республики. Оно должно было управлять на основаніи самой „Русской Правды" Пестеля.

Да и послѣ того, какъ была бы учреждена республика, Пестель хотѣлъ, чтобы въ государствѣ оставалась для управленія одна общая сильная власть, которой всѣ бы повиновались. Только эта власть была бы назначена самимъ народомъ. Законодательная власть, то есть право издавать новые законы и пересматривать старые, должна была, по плану Пестеля, принадлежать вѣчу, состоящему изъ выборныхъ отъ народа. Это вѣче составлялось такъ. Все государство

Пестель предлагалъ попрежнему дѣлить на губерніи; губерніи — на уѣзды; уѣзды — на волости. Нѣсколько губерній должны были составлять область. Всѣ граждане, приписанные къ одной волости, безъ различія сословій, составляли земское собраніе. Изъ себя они выбирали выборныхъ въ такъ называемыя мѣстныя собранія, которыя были въ волостяхъ, уѣздахъ и губерніяхъ, и при томъ такъ, что каждое земское собраніе непосредственно выбирало выборныхъ и въ волостное, и въ уѣздное, и въ губернское мѣстное собраніе. Всѣ эти собранія завѣдывали мѣстными дѣлами; губернскія же мѣстныя собранія выбирали выборныхъ въ областныя собранія, а эти послѣднія—въ народное вѣче. Выборы въ народное вѣче были, такимъ образомъ, всеобщіе, такъ какъ на земскихъ собраніяхъ участвовали всѣ граждане, но не прямые, а многостепенные — сперва выбирали въ губернскія собранія, изъ нихъ—въ областныя и изъ послѣднихъ—въ народное вѣче. Вѣче должно было законодательствовать; а управленіе поручалось пяти лицамъ, которыхъ Пестель называлъ директорами (по-русски—управители), и власть этихъ директоровъ была очень велика.

Всѣ особыя права, которыми пользовались дворяне, отмѣнялись; отмѣнялись вообще различія между сословіями, и всѣ люди въ государствѣ составляли одно сословіе гражданъ, и всѣ граждане имѣли одни и тѣ же права и всѣ были равны передъ закономъ. Всѣ граждане пользовались полною личною свободою; устанавливалась свобода исповѣдывать какую угодно религію, свобода печатать книги безъ предварительнаго разрѣшенія и отмѣнялись всѣ ограниченія заниматься тѣмъ или другимъ видомъ промышленности. Но составлять частныя общества гражданамъ воспрещалось, „какъ открытыя, такъ и тайныя, потому что первыя безполезны, а послѣднія вредны".

Мѣстными дѣлами завѣдывали, какъ сейчасъ было сказано, мѣстныя собранія. Устройство и способъ управленія этихъ собраній должны были быть, по мнѣнію Пестеля, одинаковые во всемъ государствѣ. Онъ не признавалъ мѣстныхъ особенностей. Россіи-

ское государство составилось постепенно изъ коренныхъ областей, населенныхъ великорусскимъ племенемъ, и другихъ, которыя присоединялись къ первымъ постепенно. Всѣ эти области имѣли свои обычаи: ихъ населеніе говорило своимъ языкомъ, а многія изъ нихъ въ свое время составляли особыя государства, да и послѣ присоединенія къ Россіи продолжали управляться на основаніи своихъ законовъ. Пестель, однако, не считалъ возможнымъ предоставить всѣмъ этимъ областямъ автономію, то есть право управляться сообразно мѣстнымъ особенностямъ. Россія, по его мнѣнію, должна была представлять собой тѣсное сплоченное государство. Мало того: ему хотѣлось, чтобы всѣ населяющія Россію племена, какъ славянскія (великороссы, малороссы и бѣлороссы), такъ и иные (татары, финны, грузины, киргизы) слились въ одинъ народъ, и для этого онъ совѣтовалъ всѣми средствами стараться объ ихъ „обрусеніи". Всѣмъ гражданамъ предоставлялось исповѣдывать любую религію; но если какая-нибудь религія разрѣшала что-нибудь, несогласное съ интересомъ просвѣщеннаго государства, то все это могло быть запрещено. Такъ, Пестель предлагалъ запретить магометанамъ многоженство и содержаніе женщинъ взаперти. Только для одной части россійскаго государства Пестель допускалъ исключеніе—для поляковъ. Считая, что Россіи никогда не удастся вполнѣ обрусить поляковъ, онъ предлагалъ совершенно развязаться съ Польшею и вернуть ей ея прежнюю полную независимость.

Очень любопытно предположеніе Пестеля относительно крестьянъ и земли. Крѣпостное право онъ считалъ, какъ, впрочемъ, и всѣ члены тайныхъ обществъ, величайшимъ зломъ, и требовалъ его немедленнаго уничтоженія. Уничтожить крѣпостное право должно было, по плану Пестеля, временное правительство, еще до установленія республики, такъ чтобы при учрежденіи новаго государственнаго строя всѣ граждане были уже свободны. При этомъ Пестель указывалъ, что дать крестьянамъ свободу надо такъ, чтобы она, дѣйствительно, улучшила положеніе крестьянъ, а

не принесла бы имъ пущій вредъ. А это могло бы случиться, если бы крестьянъ освободили безъ земли. Такіе случаи въ то время уже бывали. Въ царствованіе Александра I были освобождены безъ земли крестьяне въ Эстляндіи и Лифляндіи; имъ пришлось итти въ батраки къ прежнимъ же своимъ помѣщикамъ, и положеніе ихъ ухудшилось. Предвидя это, Пестель требовалъ, чтобы крестьяне, при ихъ освобожденіи, были непремѣнно надѣлены землею. При этомъ онъ находилъ справедливымъ поступить такъ. Если у помѣщика было менѣе 5.000 десятинъ, то вся эта земля должна была перейти къ крестьянамъ, а помѣщику казна должна была отвести въ другомъ мѣстѣ столько же земли (но, конечно уже, безъ крестьянъ) или уплатить деньгами. У кого было отъ 5.000 до 10.000 десятинъ, отъ того на такихъ же условіяхъ отходила къ крестьянамъ половина его земли, а у кого было болѣе 10.000 десятинъ, тотъ долженъ былъ отдать половину своей земли даромъ.

Послѣ того, какъ крестьяне были бы освобождены, надѣлены землею и, стало быть, наравнѣ съ помѣщиками стали бы свободными землевладѣльцами, надо было вообще подумать о томъ, какъ распорядиться землею. Въ такихъ государствахъ, какъ Россія, гдѣ жители занимаются, главнымъ образомъ, земледѣліемъ, земля — главный источникъ богатства. Значитъ, для того, чтобы не было большой, несправедливой разницы между богатыми и бѣдными, надо было устроить такъ, чтобы землею могли владѣть всѣ, кто хотѣлъ бы ее обрабатывать, по возможности, поровну. Пестель это понималъ и задумывалъ широкій планъ земельнаго преобразованія, какъ теперь говорятъ — аграрной реформы. Вотъ тутъ-то онъ и высказывалъ мысли, близкія мыслямъ соціалистовъ.

Уже въ то время разно думали о томъ, кому и какъ должна принадлежать земля. Одни находили, что земля можетъ быть частною собственностью того, кто приложитъ къ ея обработкѣ свой трудъ. Другіе же находили, что вся земля должна принадлежать всему обществу — государству или отдѣльнымъ волостямъ, а

частныя лица могутъ лишь получать во временное пользованіе участки, необходимыя имъ для своего пропитанія. Такъ думаютъ соціалисты. Пестель старался согласить оба эти взгляда. Онъ не отрицалъ права частныхъ лицъ на земельную собственность, но старался въ то же время устроить такъ, чтобы землею могъ быть обезпеченъ всякій, кто пожелалъ бы ее обрабатывать, даже если бы онъ своей собственной земли не имѣлъ. Для этого онъ предлагалъ всѣ земли въ каждой волости, годныя для обработки, подѣлить на двѣ равныя половины: землю частную и землю общественную. Частныя земли могли принадлежать или частнымъ лицамъ, какъ ихъ полная собственность, или казнѣ, которая могла ими распоряжаться какъ угодно. Общественныя земли считались неприкосновенною собственностью всего волостного общества, не могли ни продаваться, ни закладываться и предназначались „для доставленія необходимаго всѣмъ гражданамъ безъ изъятія“. Общественная земля въ каждой волости должна была быть подѣлена на участки, такой величины, чтобы съ каждаго могла прокормиться семья изъ пяти человѣкъ. Каждый житель волости, будетъ ли у него кромѣ того своя собственная земля или нѣтъ, могъ взять, сколько пожелаетъ участковъ общественной земли. Если послѣ распредѣленія участковъ, оставались еще свободные, ихъ разрѣшалось отдавать въ аренду постороннимъ, не жившимъ въ волости; арендныя деньги шли на общія волостныя нужды. Если участковъ было меньше, чѣмъ на нихъ заявлялось требованій, то производилась разверстка: въ первую очередь отказывали тѣмъ, у кого и безъ того была своя собственная земля; выдавали меньше участковъ тѣмъ, кто заявилъ требованіе на многіе; всячески должно было стараться, чтобы прежде всего получилъ земельный участокъ бѣднякъ.

Таковы были взгляды Пестеля. Дороже всего онъ цѣнилъ равенство. Власть, по его мнѣнію, должна была принадлежать самому народу, но зато своимъ выборнымъ властямъ народъ долженъ былъ и безпрекословно подчиняться. Гораздо меньше цѣнилъ Пе-

стель свободу и ради общаго народнаго блага готовъ былъ пожертвовать свободою отдѣльныхъ лицъ.

У Никиты Муравьева были совсѣмъ другіе взгляды. Такъ же, какъ и Пестель, онъ стоялъ за равенство всѣхъ гражданъ въ государствѣ, но это касалось, по мнѣнію Муравьева, только дѣлъ гражданскихъ, то есть дѣлъ гражданъ между собою. Участвовать въ государственномъ управленіи — къ этому русскій народъ, въ то время темный и забитый крѣпостнымъ правомъ, по мнѣнію Муравьева, не былъ еще достаточно подготовленъ. Поэтому онъ предполагалъ распространить политическія права (то есть право выбирать и выбираться на государственныя должности) не на всѣхъ одинаково. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ ограничивалъ это право только тѣми, кто имѣлъ довольно большую движимую или недвижимую собственность, имѣлъ, какъ говорятъ, имущественный цензъ. То государственное устройство, которое задумывалъ Муравьевъ, было, слѣдовательно, не демократическимъ, какъ у Пестеля, но цензовымъ. Зато больше, чѣмъ Пестель, Муравьевъ заботился о томъ, чтобы никто изъ гражданъ не былъ стѣсненъ въ своей личной свободѣ—могъ бы свободно высказывать свои мысли, не подвергался бы незаконнымъ стѣсненіямъ со стороны начальства, могъ бы управляться сообразно съ мѣстными обычаями. Такъ же, какъ и Пестель, Муравьевъ понималъ, что крѣпостное право—большое зло и требовалъ, чтобы оно было уничтожено. Но онъ заботился при этомъ только о томъ, чтобы крестьянамъ была дана свобода, а какъ они обзаведутся собственностью, это, по его мнѣнію, было уже ихъ дѣло. Соціальный вопросъ не интересовалъ Муравьева. Онъ думалъ только о томъ, чтобы искоренить произволъ царскаго самодержавія, чтобы утвердилась свобода, былъ, какъ говорится, либераломъ.

Самъ Муравьевъ, такъ же, какъ и Пестель, считалъ республику самымъ лучшимъ образомъ правленія. Но онъ не былъ увѣренъ, что большинство будетъ сочувствовать полному уничтоженію царской власти. Поэтому онъ предполагалъ царскую власть со-

хранить, но только ее ограничить. Онъ хотѣлъ ввести у насъ конституціонную монархію. Государи къ этому времени привыкли смотрѣть на Россію, какъ на свою собственность, которой они могутъ распоряжаться, какъ хотятъ. По плану Муравьева, русскій народъ объявлялся свободнымъ и независимымъ, не принадлежащимъ никакому семейству; только народу принадлежало право дѣлать постановленія для самого себя. Государь долженъ былъ быть только высшимъ чиновникомъ россійскаго правительства, правителемъ государства. Онъ не имѣлъ даже права на время уѣхать за-границу, подъ страхомъ низложенія. Только для удобства, царская власть оставлялась наслѣдственной и переходила отъ отца къ сыну. Въ случаѣ же пресѣченія мужского потомства въ царской семьѣ, народъ могъ или избрать, кого онъ хотѣлъ, на царство, или установить другой образъ правленія.

Всѣ граждане, по плану Муравьева, объявлялись равными между собою и свободными. Всѣ преимущества дворянъ уничтожались, чины отмѣнялись. Каждый могъ заниматься, чѣмъ ему угодно; могъ все, что хотѣлъ, писать въ книгахъ, и между собою граждане смѣли составлять различныя общества и союзы. Любопытно, какъ Муравьевъ хотѣлъ добиться, чтобы поскорѣе всѣ стали грамотными и знали русскій языкъ. По его плану, всѣ совершеннолѣтніе (20-ти лѣтъ) граждане пользовались всѣми правами; но черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, какъ было бы введено новое государственное устройство, не обучившійся русской грамотѣ не могъ считаться полноправнымъ гражданиномъ.

Все государство должно было дѣлиться на пятнадцать областей, или державъ, какъ ихъ называлъ Муравьевъ. Однѣ изъ этихъ державъ соотвѣтствовали тѣмъ окраинамъ, какія постепенно присоединились къ русскому государству: Финляндія, Прибалтійскій край, Западный край, Украйна, Область войска Донского, Кавказъ. Другія изъ нихъ включали въ себя по нѣсколько коренныхъ русскихъ губерній. Высшая законодательная власть во всемъ государствѣ принадлежала Народному Вѣчу, которое состояло изъ двухъ

собраній: Палаты народныхъ представителей и Верховной Думы. Народное Вѣче должно было издавать законы, касающіеся всего государства, вѣдало военное дѣло, финансы, пути сообщенія и народное просвѣщеніе и имѣло право объявлять войну. Оно же назначало областныхъ правителей отдѣльныхъ державъ. Отдѣльныя державы не только могли управлять сообразно мѣстнымъ условіямъ, но могли даже издавать мѣстные законы, по своимъ мѣстнымъ дѣламъ. Для этого въ каждой державѣ учреждались правительствующія собранія, которыя состояли изъ палатъ выборныхъ и изъ мѣстныхъ державныхъ думъ. Такое государственное устройство, въ которомъ отдѣльныя области имѣютъ право установлять у себя мѣстные законы, называется федераціей. Вотъ такую федерацію думалъ Муравьевъ устроить и въ Россіи.

Объ палаты Народнаго Вѣча и объ палаты правительствующихъ собраній державъ состояли изъ выборныхъ отъ народа. Однако, не всѣ граждане имѣли при этихъ выборахъ одинаковыя права. Каждый гражданинъ могъ быть избранъ въ палаты выборныхъ отдѣльныхъ державъ и въ палату представителей Народнаго Вѣча. Но избирать выборныхъ и представителей могли лишь тѣ, кто имѣлъ довольно большую движимую и недвижимую собственность. Каждый можетъ оказаться пригоднымъ, но кого надо выбрать, пусть это рѣшатъ люди зажиточные, менѣе склонные къ какимъ либо крутымъ перемѣнамъ, болѣе спокойные — такъ приблизительно думалъ Муравьевъ. А для того, чтобы собранія выборныхъ все-таки не приняли какихъ-либо крайнихъ рѣшеній, надъ ними и въ державахъ и въ государствѣ были поставлены еще верхнія палаты: державныя думы и верховная дума. Въ эти палаты попасть было еще труднѣе: требовалось быть не моложе тридцати лѣтъ и обладать еще большею собственностью. Муравьевъ допускалъ народъ къ законодательству съ большою осторожностью и старался дать перевѣсъ голосамъ зажиточныхъ людей.

Крѣпостное состояніе должно было быть отмѣнено навсегда; Народному Вѣчу должно было быть запре-

щено издавать какіе-либо законы, клонящіеся къ возстановленію крѣпостного права. Чужеземный рабъ или крѣпостной, какъ только онъ вступалъ на русскую землю, немедленно объявлялся свободнымъ. Но при освобожденіи крестьянъ вся пахотная земля оставалась за помѣщиками, а крестьянамъ должна была быть отдана лишь земля, занятая ихъ дворами и огородами. Какъ поравнять землю, какъ сгладить разницу между богатымъ и бѣднымъ, о чемъ такъ много думалъ Пестель, обо всемъ этомъ Муравьевъ не говоритъ ни слова.

Теперь мы видимъ, что Пестель и Муравьевъ въ корень расходились между собою по многимъ вопросамъ. Оба они считали, что въ государствѣ всѣ граждане должны быть равны между собою. Но Пестель хотѣлъ демократическаго устройства, хотѣлъ, чтобы всѣ граждане одинаково принимали участіе въ государственныхъ дѣлахъ; Муравьевъ давалъ преимущество зажиточному классу, вводилъ имущественный цензъ. Пестель хотѣлъ, чтобы государство взяло на себя разрѣшеніе соціальнаго вопроса, постаралось уравнять богатыхъ и бѣдныхъ; Муравьевъ думалъ, что государство не должно въ это вмѣшиваться. Пестель хотѣлъ, чтобы все управленіе было сосредоточено въ единыхъ для всего государства высшихъ учрежденіяхъ, стоялъ, какъ говорится, за централизацію; Муравьевъ хотѣлъ больше сообразоваться съ мѣстными особенностями, стоялъ за федерацію. Пестель готовъ былъ хотя бы силою принудить народъ принять всѣ задуманныя имъ преобразованія; Муравьевъ больше считался съ желаніями самого общества, не хотѣлъ стѣсненій на свободу. Словомъ, Пестель задумывалъ рѣшительныя преобразованія, былъ радикаломъ и демократомъ и даже приближался къ соціалистамъ; Муравьевъ былъ умѣренный либералъ. И между другими участниками тайныхъ обществъ одни приближались къ Пестелю, другіе — къ Никитѣ Муравьеву.

Они имѣли большое вліяніе и на послѣдующія поколѣнія, вплоть до нашихъ дней. Всѣ, кто послѣ нихъ боролись съ самодержавіемъ, склонялись или къ

рѣшительнымъ взглядамъ, какъ Пестель, или къ болѣе умѣреннымъ, какъ Никита Муравьевъ. Пестель и Муравьевъ стали какъ бы родоначальниками двухъ направленій въ русскомъ обществѣ, которыя, при всемъ несходствѣ между собою, оба сходились въ ненависти къ самодержавію, оба съ нимъ всегда боролись: радикально-демократическаго и либеральнаго.

Возстаніе назначалось на начало 1826 года, но уже въ концѣ 1825 года заговоръ былъ раскрытъ, и списки членовъ обоихъ обществъ были въ рукахъ правительства. На нихъ донесли унтеръ-офицеръ 3-го Бугскаго уланскаго полка Шервудъ и капитанъ Вятскаго полка Майборода. Александръ I колебался принимать противъ заговорщиковъ суровыя мѣры. „Не мнѣ судить ихъ; я самъ, въ свое время, имѣлъ такіе же взгляды", — говорилъ онъ. Но 19 ноября 1825 года Александръ умеръ въ Таганрогѣ, и начальникъ главнаго штаба Дибичъ и военный министръ Чернышевъ приступили къ арестамъ. Попытка арестовать одного изъ членовъ Южнаго Общества, Сергѣя Муравьева-Апостола вызвала возстаніе Черниговскаго полка. Еще до этого члены Сѣвернаго Общества въ Петербургѣ рѣшили воспользоваться тѣмъ замѣшательствомъ, которое произошло изъ-за вопроса о присягѣ новому государю.

У Александра I не было сыновей, и престолъ послѣ него долженъ былъ перейти къ его брату, цесаревичу Константину Павловичу. Но Константинъ еще при жизни Александра, отказался отъ своихъ правъ на престолъ, въ пользу слѣдующаго брата Николая. Хотя манифестъ объ отреченіи Константина и назначеніи наслѣдникомъ Николая и не былъ обнародованъ, тѣмъ не менѣе, Николай о немъ зналъ. Но онъ не хотѣлъ принимать власть; поэтому, какъ только въ Петербургъ пришло извѣстіе о смерти Александра, онъ присягнулъ самъ и поспѣшилъ привести высшія правительственныя учрежденія и петербургскій гарнизонъ къ присягѣ Константину. Константинъ былъ въ то время намѣстникомъ Царства Польскаго и жилъ

въ Варшавѣ. Узнавъ о присягѣ въ Петербургѣ, онъ повторилъ письменно свое отреченіе, а Николай, съ своей стороны, убѣждалъ брата принять престолъ. Переписка между ними тянулась болѣе двухъ недѣль, и въ Петербургѣ стали ходить разные толки и слухи. Наконецъ Николай уступилъ и на 14 декабря 1825 г. была назначена новая присяга „императору и самодержавцу“ Николаю.

У членовъ Сѣвернаго Общества не было никакого выработаннаго плана. Солдаты были смущены слухами о новой присягѣ и заговаривали съ отдѣльными офицерами. Самый заговоръ и его цѣль имъ не были выяснены; не было и никакого предварительнаго сговора о томъ, какъ дѣйствовать. 14 декабря когда началась присяга, заговорщикамъ удалось въ нѣкоторыхъ частяхъ убѣдить часть солдатъ не присягать и вывести ихъ на сенатскую площадь. На площадь вышли часть Московскаго полка, часть Гренадерскаго, часть Гвардейскаго экипажа и небольшая часть Финляндскаго. Было, кромѣ того, замѣшательство во время присяги въ Измайловскомъ полку, но ему не дали разрастись. Выводя войска на сенатскую площадь, заговорщики разсчитывали отрѣзать сообщеніе между Зимнимъ дворцомъ и Сенатомъ и принудить Сенатъ, какъ древнее верховное учрежденіе, провозгласить конституцію. На площади всѣмъ распоряжался кн. Евгеній Оболенскій и отчасти Бестужевы; изъ другихъ членовъ Общества были здѣсь лишь второстепенные.

Узнавъ о возмущеніи, Николай быстро выработалъ планъ дѣйствія и различными путями двинулъ на возставшихъ внушительныя силы всего остальнаго петербургскаго гарнизона. Преображенцы, семеновцы, павловцы, саперы, кавалергарды и конная гвардія, подкрѣпленные большими артиллерійскими силами, окружили возставшихъ, какъ бы грозя каждую минуту раздавить ихъ всею своею массою. Къ рѣшительнымъ мѣрамъ, однако, долго не приступали. Выѣхавшіе къ возставшимъ для ихъ увѣщеванія военный губернаторъ Милорадовичъ и командиръ гренадерскаго полка Стюрлеръ были смертельно ранены. Не имѣла успѣха и

попытка убѣжденія, сдѣланная вел. кн. Михаиломъ Павловичемъ. Въ три часа дня рѣшено было начать кавалерійскую атаку; она не удалась: лошади падали изъ-за сильной гололедицы, сабли оказались неотточенными. Тогда открыли артиллерійскій огонь. Ряды возставшихъ разстроились; одни искали спасенія въ сосѣднихъ улицахъ, другіе спустились на ледъ на Неву. Было очень много убитыхъ. Когда возставшіе были окончательно разсѣяны, войска были расположены вокругъ Зимняго Дворца и всѣ проѣзды ко дворцу были закрыты. Войска должны были охранять покой царя, въ то время какъ полиція поспѣшно убирала съ площади тѣла ихъ убитыхъ товарищей. Трупы спускались въ проруби на Невѣ; вмѣстѣ съ мертвыми сюда попадали и раненные. Такъ кончился въ Петербургѣ день 14 декабря 1825 года.

Возстаніе Черниговскаго полка произошло 30 декабря въ Васильковѣ. Самъ Пестель къ этому времени былъ уже арестованъ. Освобожденный солдатами изъ-подъ ареста, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, вмѣстѣ со своимъ другомъ Бестужевымъ-Рюминымъ, повелъ полкъ къ Бѣлой Церкви, думая соединиться здѣсь съ другими войсками. Онъ могъ также разсчитывать на успѣхъ среди многочисленныхъ здѣсь военныхъ поселеній. Противъ него былъ высланъ отрядъ гусаръ. Разбитый и раненный Муравьевъ-Апостолъ былъ захваченъ вмѣстѣ со многими другими офицерами.

Тотчасъ же послѣ подавленія возстанія въ Петербургѣ начался розыскъ и слѣдствіе надъ „декабристами". Арестованныхъ привозили прямо во дворецъ, гдѣ первый допросъ снималъ съ нихъ, обыкновенно, самъ Николай. Поспѣшно стали привозить и арестованныхъ на югѣ. На допросѣ Николай держалъ себя съ допрашиваемыми очень сурово, но въ то же время обнаружилъ большое умѣніе примѣняться къ личнымъ особенностямъ каждаго въ отдѣльности. Однихъ онъ застращивалъ, съ другими говорилъ вкрадчиво и мягко; на третьихъ старался воздѣйствовать гнѣвомъ и грубымъ окрикомъ. Арестованные были заключены въ крѣпость и содержались очень сурово. Многимъ угрожали даже пыткою. Пра-

вильнаго суда надъ декабристами не было. Особая „слѣдственная комиссія" допросила ихъ. Дѣло въ этой „слѣдственной комиссіи" велось очень односторонне. Назначенный вслѣдъ за этимъ Верховный Уголовный Судъ предложилъ имъ только подписаться подъ ихъ показаніями. Никакого выясненія дѣла на судѣ не происходило. Приговоръ суда былъ очень суровъ. Пять главныхъ осужденныхъ, Пестель, Рылѣевъ, С. Муравьевъ-Апостолъ, Бестужевъ-Рюминъ и Каховскій (нанесшій рану Милорадовичу) были приговорены къ мучительной казни четвертованіемъ. Всѣ остальные были раздѣлены на одиннадцать разрядовъ. Первый разрядъ, въ количествѣ тридцати одного, былъ приговоренъ къ смертной казни; остальные—къ различнымъ наказаніямъ, отъ вѣчной каторги до отдачи въ солдаты. Николай замѣнилъ осужденнымъ по первому разряду смертную казнь каторгой и смягчилъ наказаніе всѣмъ другимъ разрядамъ. Но смертная казнь для поставленныхъ внѣ разряда была имъ самимъ предрѣшена. Не желая бросить на себя укоръ въ подписаніи смертнаго приговора, онъ представилъ ихъ судьбу „окончательному постановленію о нихъ суда". Зная желаніе царя, судъ приговорилъ ихъ къ повѣшенію. Подъ утро на 13 іюля 1826 г., чуть забрезжилъ день, на валу Петропавловской крѣпости приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. Тѣла казненныхъ были зарыты на островѣ Голодаѣ...

Вскорѣ послѣ этого партіями стали отвозить осужденныхъ изъ Петербурга въ Сибирь. Кое-кто былъ заключенъ въ крѣпость. Изъ солдатъ, участвовавшихъ въ возстаніи 14 декабря былъ сформированъ сводный полкъ. Этотъ полкъ былъ отправленъ на Кавказъ, гдѣ шла въ то время война съ Персіею; большая часть его вскорѣ тамъ погибла отъ болѣзней и невозможныхъ условій жизни.

## IV.

Такъ печально кончилась попытка „декабристовъ" ниспровергнуть самодержавіе и водворить въ своемъ отечествѣ свободу, равенство и народное благо. Многое

не благопріятствовало успѣху дѣла декабристовъ. Они вынуждены были приступить къ дѣлу раньше того срока, въ какой сами предполагали. Приступая къ дѣлу, они не имѣли еще установленнаго плана дѣйствія. Дѣйствовать надо было въ столицѣ, а какъ разъ здѣшнее тайное общество, „Сѣверное", было слабѣе „Южнаго"; послѣднее было отъ столицы далеко. Все это такъ. Но не въ этомъ была причина неудачи декабристовъ. Ихъ дѣло не могло удасться такъ, какъ они его задумывали.

Въ своихъ замыслахъ они не имѣли опоры въ народѣ и въ войскѣ. Ихъ заговоръ былъ дѣломъ небольшого кружка лицъ. Ихъ тайное общество было обществомъ чисто офицерскимъ. Они не распространяли своихъ взглядовъ среди солдатъ, не считая отдѣльныхъ лицъ; не старались привлечь на свою сторону все солдатство. Многихъ изъ нихъ солдаты очень любили, и потому они думали, что войско повѣритъ имъ и пойдетъ за ними. Другіе были очень строги и умѣли приказывать; эти думали, что и во время возстанія войско слѣпо подчинится ихъ приказанію. Поэтому на своихъ собраніяхъ они много тратили времени на разсужденія о благѣ человѣка, о счастьи народа, а плана дѣйствія до послѣднихъ минутъ не выработали. Даже такому выдающемуся изъ нихъ, какъ Пестель, казалось, что достаточно устроить тайное общество и цѣлый рядъ его отдѣленій, подчиненныхъ главной „управѣ", и дѣло будетъ подготовлено.

Ихъ ожидало жестокое разочарованіе. Солдаты не пошли за ними. Изъ тѣхъ, кого имъ удалось вывести на сенатскую площадь, лишь очень немногіе понимали настоящую цѣль возстанія. Большинство пошло за своими офицерами только потому, что были смущены второю присягою и думали, что Константинъ не добровольно отрекся отъ престола, а Николая солдаты очень не любили. Да и вышло то на площадь немного, и Николаю не стоило никакого труда съ ними расправиться. Заговоръ декабристовъ былъ заговоръ военныхъ, но они не имѣли на своей сторонѣ войска. Народъ, забитый крѣпостнымъ правомъ и полиціей,

точно также не понималъ ихъ. Толпа съ заборовъ и крышъ съ любопытствомъ смотрѣла на то, что дѣлалось на площади: она даже провожала смѣхомъ и улюлюканіемъ тѣхъ генераловъ, которые выѣзжали къ заговорщикамъ уговорить ихъ; толпа бросала полѣнья и комья снѣгу въ конницу, когда ее пустили въ атаку. И та же толпа бѣжала при первыхъ выстрѣлахъ картечи. Заговоръ декабристовъ былъ дѣломъ небольшой кучки лицъ. Войско и народъ не были къ нему подготовлены. Они смутно чувствовали, что возставшіе борятся за счастье народа. На пути въ Сибирь, въ ссылкѣ мѣстные жители выказывали декабристамъ много участія. Всѣмъ было плохо жить. Но сознаніе того, чего надо добиваться и какъ надо, согласясь, дѣйствовать, не было распространено въ народѣ и войскѣ. Оттого-то декабристы и остались въ одиночествѣ, и ихъ попытка свергнуть самодержавіе потерпѣла неудачу.

И тѣмъ не менѣе, эта попытка не осталась безплодною и имѣла большое значеніе. Декабристамъ неудалось передѣлать русскую жизнь, но кое-что изъ того, что они считали желательнымъ, осуществилось довольно скоро. Память о нихъ воодушевляла тѣхъ, кто позднѣе продолжалъ дѣло борьбы за свободу и благо народа, а ихъ ошибки послужили ихъ послѣдователямъ на пользу.

Декабристы не только боролись противъ самодержавія, но и отлично понимали всѣ проистекающіе отъ самодержавія недостатки и злоупотребленія. Въ своихъ показаніяхъ слѣдственной комиссіи они подробно говорили о всемъ, отъ чего страдалъ народъ. Указывали на отсутствіе ясныхъ законовъ, на разстройство торговли, на злоупотребленія чиновниковъ, на тяжелое положеніе крестьянъ, на упадокъ флота. Николай жестоко наказалъ декабристовъ и душилъ въ теченіе всего своего царствованія свободную жизнь. Но и онъ понималъ, что во всѣхъ ихъ указаніяхъ есть много правды. Онъ приказалъ сдѣлать общій сводъ ихъ показаній и постоянно имѣлъ его при себѣ. И если при Николаѣ и были проведены нѣкоторыя полезныя мѣры,

то, отчасти, въ этомъ была заслуга тѣхъ, кто погибъ на висѣлицѣ или томился въ рудникахъ. Съ Пестелемъ былъ близокъ Киселевъ, одинъ изъ немногихъ министровъ Николая, старавшійся облегчить крѣпостное право. Изъ бесѣдъ съ Пестелемъ онъ вынесъ убѣжденіе о необходимости освобожденія крестьянъ, и при томъ, надѣливъ ихъ землею. И когда при Александрѣ II крестьяне были освобождены, это было исполненіемъ завѣта декабристовъ.

Неудача, постигшая декабристовъ, заставила призадуматься тѣхъ, кто имъ сочувствовалъ, хотя и не принималъ участія въ тайныхъ обществахъ; такіе— были. Многіе поняли, что одними тайными обществами безъ опоры въ народѣ многаго не сдѣлаешь. А какъ можно было опереться на народъ, забитый, запуганный, окованный цѣпями крѣпостного права? Пока существовало крѣпостное право, политическая свобода, пожалуй, оказалась бы даже не на пользу народа. Не всѣ, какъ декабристы, думали и о сверженіи самодержавія, и объ уничтоженіи крѣпостного права. Были и такіе, которые хотѣли свободы только для себя. Получивъ права, они могли бы добиться еще большаго закрѣпощенія крестьянъ и во всякомъ случаѣ всячески мѣшали бы ихъ освобожденію. Послѣ декабристовъ лучшіе люди стали окончательно убѣждаться, что прежде всего, раньше всѣхъ другихъ преобразованій надо освободить крестьянъ. Убѣдились, что только опираясь на народъ, понявъ, что народъ хочетъ, и объясняя ему, какъ поправить бѣду, можно добиться народной свободы и народнаго блага.

Долго лучшіе русскіе люди боролись съ самодержавіемъ. Только на нашихъ дняхъ удалось его сокрушить. И все это время не умирала память о декабристахъ, воодушевляя ихъ послѣдователей. Однимъ изъ борцовъ противъ самовластья и крѣпостничества былъ въ царствованіе Николая писатель Герценъ. Онъ самъ говорилъ, что разсказы о возмущеніи и о судѣ надъ декабристами и ихъ казни сильно его поразили. Герцену тогда было еще всего тринадцать лѣтъ. „Не знаю, какъ это случилось, писалъ онъ,— но мало понимая или

очень смутно, въ чемъ дѣло, я чувствовалъ, что я несъ той стороны, съ которой картечь и побѣды, тюрьмы и цѣпи". Имена Пестеля и Рылѣева стали для Герцена священными на всю жизнь. Герценъ вынужденъ былъ покинуть Россію и прожилъ свой вѣкъ изгнанникомъ за-границей. Въ свободной Англіи, въ Лондонѣ, вдали отъ царской цензуры и полиціи, онъ печаталъ по-русски книги и журналы, въ которыхъ раскрывалъ язвы русскаго самодержавнаго и крѣпостного строя. Однимъ изъ первыхъ его изданій былъ журналъ „Полярная Звѣзда", названный такъ въ память журнала, который издавалъ Александръ Бестужевъ, въ которомъ сотрудничалъ Рылѣевъ.

Когда послѣ освобожденія крестьянъ русскую молодежь охватило горячее желаніе послужить народному благу, „пѣвецъ народной скорби", поэтъ Некрасовъ не разъ воспѣвалъ декабристовъ. Въ стихотвореніи „Дѣдушка" онъ рисуетъ намъ, какъ возвращается изъ ссылки декабристъ, какъ къ нему привязался его маленькій внукъ Саша и какъ старикъ учитъ ребенка всегда думать о счастьѣ народа:

„Радъ я, что вижу картину,
Милую съ дѣтства глазамъ.
Глянька на эту равнину
И полюби ее самъ!..
У лѣса стадо пасется—
Жаль, что скотинка мелка;
Пѣсенка гдѣ то поется—
Жаль невсходно горька!
Ропотъ: „подайте же руку
Бѣднымъ крестьянамъ скорѣй!"
Тысячелѣтнюю муку,
Саша, ты слышишь ли въ ней?
Надо, чтобъ были здоровы
Овцы и лошади ихъ,
Надо, чтобъ были коровы
Толще московскихъ купчихъ,
Будетъ и въ пѣснѣ отрада
Вмѣсто унынья и мукъ.
Надо ли?—„Дѣдушка, надо!"
То-то! помни же, внукъ!

Въ другомъ своемъ стихотвореніи „Русскія женщины" Некрасовъ воспѣлъ тѣхъ женъ декабристовъ,

которыя, съ неимовѣрнымъ трудомъ добившись отъ царя разрѣшенія слѣдовать за своими мужьями, покинули своихъ родныхъ, барскую жизнь, презрѣвъ трудности многотысячнаго пути, раздѣлили съ ними ссылку. Память о княгинѣ Трубецкой, княгинѣ Волконской и многихъ другихъ жила въ русскомъ обществѣ точно такъ-же, какъ и память о ихъ мужьяхъ. Ихъ примѣръ воодушевлялъ много поколѣній русскихъ женщинъ и дѣвушекъ на самоотверженный подвигъ служенія народу, приходилось ли имъ итти въ глушь въ народную школу или вступать въ ряды революціонеровъ.

Такъ накоплялись постепенно силы для борьбы съ самодержавіемъ. Ошибки декабристовъ, слабая сторона ихъ замысловъ давно уже стали всѣмъ ясны, и каждое слѣдующее поколѣніе старалось отъ нихъ освободиться и ближе сойтись съ народомъ. Сами декабристы, въ Сибири, въ ссылкѣ, лучше узнали народъ, сблизились съ нимъ и на дѣлѣ не только узнали, но и пережили съ нимъ его страданія. Когда при вступленіи на престолъ Александра II они получили амнистію, многіе изъ нихъ вернулись и сумѣли еще сами послужить народному дѣлу: многіе изъ нихъ приняли дѣятельное участіе въ освобожденіи крестьянъ. Но освобожденіе крестьянъ было лишь первымъ шагомъ къ завоеванію свободы и переустройству русской жизни на равныхъ для всѣхъ демократическихъ началахъ. Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ народники пошли въ народъ, проповѣдуя „землю и волю". Въ девяностыхъ годахъ начали сплачиваться рабочіе. На нашихъ глазахъ къ революціонному движенію примкнули войска. Трудное было это дѣло, взявшее много силъ и жертвъ. Когда приходится на каждомъ шагу преслѣдовать препятствія, бороться съ врагомъ, легче становится, если сознаешь, что борешься не одинъ, что были люди, которые и до тебя боролись за правду, и что, стало быть, рано или поздно правда восторжествуетъ. Декабристы были свѣтлою страницею нашего прошлаго. Ихъ „Полярная Звѣзда" освѣщала многотрудный долгій путь русской революціи.

Нашъ великій поэтъ Пушкинъ, у котораго среди декабристовъ были близкіе и друзья, посвятилъ имъ свое стихотвореніе:

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье:
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье...
Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ—и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вашъ отдадутъ.

Слова поэта сбылись не такъ скоро, какъ онъ мечталъ. Темницы рухнули лишь въ наши дни, но вышли изъ нихъ не декабристы, а ихъ внуки и правнуки.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
Т-ва „Н. П. КАРБАСНИКОВЪ“
ПЕТРОГРАДЪ, Гостиный дв., 19. | МОСКВА, Моховая, 24.

Печатано въ Синодальной Типографіи. 1917 г.